

Достоевский и Карамзин

Духовная близость, духовная тяга Достоевского к Карамзину продолжалась всю его жизнь, с ранних лет и до самой смерти, хотя в 1870-е гг. Достоевский и начинает идеологический спор с кумиром своего детства.

Карамзин относится к любимым детским чтениям автора «Бесов». Вероятно, в семейном кругу Достоевских «Историю государства Российского» читали по одному из изданий Смирдина, или 3-му (1830–1831), или 4-му (1833–1834). В т. IX – осуждение тирании Ивана Грозного, в т. X – история Бориса Годунова, к которой Достоевский обратился в своем раннем творчестве (первое, не дошедшее до нас его произведение – драма «Борис Годунов»).

По свидетельству младшего брата писателя, «История государства Российского» была настольной книгой Достоевского, ее он всегда читал, когда не было «чего-либо новенького»¹.

От первого сочинения – драмы «Борис Годунов» – след «Истории государства Российского» тянется и к последнему гениальному роману «Братья Карамазовы». Можно определенно утверждать, что образ Ивана Грозного у Карамзина послужил первым толчком к созданию образа Великого Инквизитора.

Однако Карамзин вошел в сознание мальчика Феди не только своим капитальным историческим трудом, но и «Бедной Лизой», «Марфой-Посадницей» и др. Это определялось также сентиментальным направлением литературных вкусов и интересов его родителей, для которых Карамзин являлся непререкаемым авторитетом.

Но если «История государства Российского» навсегда вошла в духовный мир Достоевского, то остальные произведения Карамзина, и прежде всего «Бедная Лиза», надолго утвердились в художественной манере Достоевского в качестве русского сентиментализма карамзинской школы. Достаточно вспомнить дневник Вареньки Доброселовой или письма Макара Алексеевича, или, наконец, житийный стиль старца Зосимы – все это восходит к традиционной сентиментальной повести Карамзина. (В записной тетради 1864–1865 гг. Достоевский три раза отмечает: «Карамзинский слог»².) Важно и другое наблюдение: практически любая героиня Достоевского, носящая имя Лиза, действительно, оказывается «бедная Лиза». Вспомним Лизавету Ивановну в «Преступлении и наказании», Лизу Тушину в «Бесах», Лизавету Смердящую в «Братьях Карамазовых»; а в период работы над «Подростком» писатель делает знаменательную запись: «Лиза никому не должна, все ей должны».

Уход Достоевского на каторгу и в ссылку революционером и атеистом, а возвращение через десять лет в Петербург верующим и монархистом могли быть связаны также и с именем автора «Истории государства Российского», ибо

в конечном счете «перерождение убеждений» Достоевского – это возврат к православию и к той русской государственности, которая для него в детстве всегда связывалась с именем Карамзина, хотя в отличие от историка Достоевский всегда выступал за отмену крепостного права и мечта о «золотом веке» в нем осталась до конца.

Достоевского и Карамзина объединяет страстная любовь к России, оба были глубоко русскими людьми. И в то же время Достоевский и Карамзин были настоящими патриотами Европы, ее великих памятников и святынь, и им принадлежат изумительные слова о Европе.

¹ *Достоевский А.М.* Воспоминания. Л., 1930. С. 69.

² Неизданный Достоевский // Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 262–263.